

Любшин Станислав 7.04.03.
Андреевич

Газета - 2003 - 7 апр - с. 1, 14.

«Есть несколько Любшиных»

19

АРТУР СОЛОМОНОВ

У народного артиста России Станислава Андреевича Любшина — юбилей, ему исполняется семьдесят лет.

Актер МХАТ имени А. Чехова, народный артист России Виктор Гвоздицкий поздравляет Станислава Любшина с юбилеем.

«Моя первая встреча с Любшиным состоялась, когда я увидел спектакль Темура Чхеидзе «Обвал». Спектакль был прекрасный — это был расцвет Художественного театра, когда, кроме Олега Николаевича, там ставили Анатолий Эфрос, Лев Додин, Роман Виктюк, Темура Чхеидзе. «Обвал» входил в список самых успешных постановок. Это было давно, очень давно, до раздела, когда МХАТ из Камергерского переехал на Тверской бульвар, в здании, где сейчас театр, которым руководит Татьяна Васильевна Доронина. Тогда в театре была невиданной мощи труппа: Смоктуновский, Попов, Евстигнеев, Борисов, Табаков, Калягин, Невинный, Мягков, Доронина, Васильева, Лаврова... Словом, взлет у Художественного театра тогда был высокий. И из этого взлета самое сильное мое впечатление — «Обвал» Темура Чхеидзе».

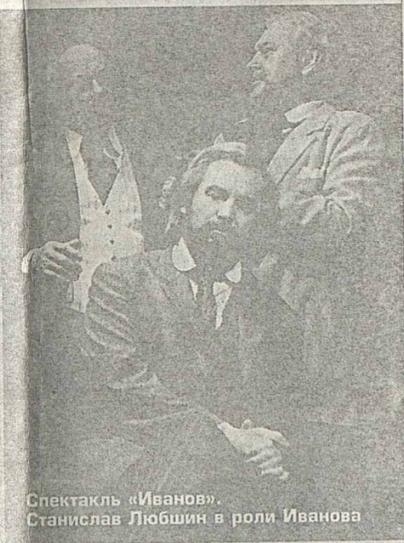
Окончание
на странице 14

“есть несколько Любшинных”

Я с ним играл в спектакле «Тот, кто получает пощечины». Это могла бы быть замечательная работа. Он в театре романтик: выщипанные волосы, седина, тонкий профиль, лепка лица... А Манчини, которого он играл, написан почти отрицательным персонажем, с андреевской сложностью, даже патологией. И если бы режиссер это учуял, то на контрасте внешнего благородства и порока можно было бы выстроить очень странный рисунок. Неожиданный. Но режиссер этого не сделал. А так как Любшин добрый человек и даже наивный порой, то он доказывал, что его персонаж — положительный. Я говорю: «Ну какой же положительный, если он дочь продает?» Но Слава стоял на своем... Это могло бы быть событийной работой, парадоксальной. Но сам спектакль не получился... Вэтом, наверное, и загвоздка. Грустная.

В этом спектакле можно было использовать его киношную ипостась, это мерцание — когда непонятно, что за человек перед нами... Конечно, Любшин не настроен на то, чтобы играть только романтиков и героев.

Спектакль «Иванов». Станислав Любшин в роли Иванова

Помню его работу в «Борисе Годунове». Ефремов понимал, что слабеет, и играл Бориса, очень торопясь. Не суетясь, а торопясь. Он понимал, что нужно успеть. Любшин вываливался из закованного в костюмы, бороды и клобуки спектакля. Он был седой, босой и своей интонацией, всем своим существованием на сцене так художественно выламывался из спектакля! Это совпадало с природой его персонажа. Юродивый. Это была пронзительная работа.

Последняя роль Станислава Андреевича у Ефремова граф де Гиш в «Сирано де Бержераке» Ростана. Кончались дни мастера. Истекли репетиции. Все было грустно, странно и все-таки неожиданно. Актеры, занятые в репетициях, отправлялись, некоторые исчезали совсем, и Ефремов, кажется, даже не спрашивал почему... Любшин достоял до самого конца. И вышел в премьеру. Кажется, он не пропустил ни одной репетиции. И даже не пытался каким-нибудь завуалированным образом исчезнуть. Это еще один Любшин — верный, благородный, помнящий дни былые...

В «Тартюфе» Анатолия Эфроса он играл заглавную роль. И тоже отличался от всех. Играл подчеркнуто неярко. Его Тартюф был странным, серым, безликим существом. Он был как будто совершенно без лица. В начале он прихватывал Дорину под юбкой, и при этом на лице его совершенно ничего не менялось. Он деловито и походя хватал куски жизни. Как насекомое, как грызун — только очень большой, сильный. Его великолепные партнеры — Калягин, Богатырев, Гуляева — играли ярко, очень по-мольеровски, а он играл тихое и страшное существо.

Человечески Любшин отличается от многих моих коллег. Никакого актерского зазнайства в нем нет. Станислав Андреевич ездит в метро, носит вязаную шапочку. У него очень смешная вязаная шапочка с ромбиками — лыжная такая. Куртка совершенно ненарядная, не имеющая ни на что притязаний. И можно подумать, что это учитель, инженер или преподаватель физкультуры в школе.

Очень забавная была ситуация, когда мы репетировали спектакль «Тот, кто по-

лучает пощечины». Молодые артисты... (Знаете, был где-то такой случай, когда молодой актрисе режиссер предлагал и предлагал что-то сделать, а она отвечала и отвечала: «Это не мое!» — «Ну попробуйте по-другому!» — «Это тоже не мое». И так много раз. И актриса совсем другого поколения и масштаба, которая за этим наблюдала, сказала: «Вот я смотрю на тебя и думаю: это что же, все мое?» Ну, это так, к слову, о некоторых молодых актерах.) Так вот, режиссер спектакля, которую пригласили из Финляндии, когда увидела артистов, на лицах которых было написано «все это не мое», решила как-то взбодрить ситуацию. Она пришла и сказала: «Прошу всех, кому до сорока, встать в круг». Я как сидел, так и остался, потому что мне больше чем сорок и потому что я не люблю всякие зачины, закваски, этюды, разминки...

Станислав Андреевич побежал в круг не потому, что хотел скрыть возраст, а потому, что очень молодо себя чувствует. И он наверняка подумал, что сейчас начнутся какие-то полезные опыты. Он вошел в круг и услышал просьбу режиссера: «А теперь я прошу всех четыреста раз подпрыгнуть». Нужно было видеть, как Станислав Андреевич деликатно отходил из круга «кому до сорока!» Сначала он, правда, пытался прыгать, но очень скоро расхотел... А те прыгали с удовольствием!

В нем, конечно, есть лукавство. Он очень деликатно умеет отказываться от ролей. Мало кто понимает, что это отказ от роли. Иногда это повышенное или пониженное давление, иногда настроение, иногда природа, иногда погода.

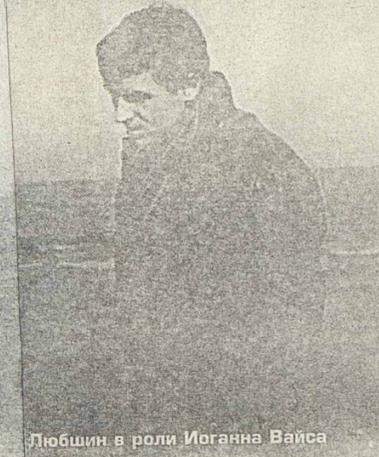
Он одинаково ровно разговаривает с гримером, с министром, с Табаковым. В нем есть ровность интеллигента. Он не робеющий от начальства человек, но и не фронтдер. Он вообще человек скромный, а сейчас, перед юбилеем, он ходит по театру просто как мышь. Мне кажется, у него ощущение ужаса от предстоящего юбилея, поздравлений и тостов.

Но Любшин, конечно, разный: не только облако, ранимое и трогательное... Помню, однажды он рассказал мне анекдот, а я сначала подумал, что он рассказывает мне случай из своей жизни. Говорит: «Мы стоим с тещей на балконе, что-то выясняем. А я ей говорю: «Мама, мы ведь на седьмом этаже, а вы не птица, мама». Он это с такой простотой рассказал, что я даже не понял, что это анекдот, и представил, что это светловолосое существо, этот интеллигент может что-то сделать конкретное в отношении седьмого этажа и тещи... И я внутренне ахнул, пока не понял, что он мне рассказал и его магическую органику.

У Станислава Андреевича совершенно очаровательная жена. Она всегда смотрит спектакли с его участием — видимо, она его главный цензор домашний. Помню, она сказала мне, когда у меня был день рождения (в ответ на мою фразу — мол, вот сколько мне уже стукнуло): «А посмотрите на Станислава Андреевича, у него скоро юбилей, но все только начинается». Так что, может быть, этот юбилей — и вправду начало? Я бы Станиславу Андреевичу этого пожелал.

Фильм «Шит и меч». Станислав Любшин

Любшин в роли Иоганна Вайсса

Окончание.
Начало на странице 01

Сейчас я даже сюжета пересказать не могу, потому что у меня осталось ощущение какого-то звона, птичьего клика, страданий, загнанных внутрь... Любшин был партнером Екатерины Васильевой. Это было невероятно по пластике! Прикосновение рук, поворот кисти — все было так выверено, но, тем не менее, очень страстно. Это было, если так можно сказать, металлическое кружево. Пожалуй, это был один из самых сильных актерских дуэтов, который я видел.

На мой взгляд, есть несколько Любшинных. Есть Любшин в кино. Есть тот, который играл в «Обвале», и тот, который играет сейчас в Художественном театре. А еще были Таганка, Эфрос, «Современник», Ермоловский театр...

Помню, когда я играл в спектакле «Маскарад», вдруг пришел Любшин. Вообще редко случается, когда спектакль уже идет, и на него вдруг приходит актер, работающий в этом театре. И всегда это событие. Я играю Арбемина и вдруг вижу Любшина, который сидит в директорской ложе и смотрит весь спектакль. Это было и приятно, и тревожно. Тогда мы с ним и познакомились. Тогда я и узнал его нежность к коллегам, умение проникнуть в чужой замысел. Он нежнейший человек, когда оценивает чужую работу. Очень бывает ценно — и когда критику читаешь, и когда беседуешь с коллегами — если человек угадывает то, что ты хотел сделать. Он говорил хорошие слова мне, малознакомому человеку, дебютанту в этом театре. Никогда не смогу это забыть. Это так важно всегда... «Маскарад» в постановке Николая Шейко был острым по форме, стильным, с особенной «архитектурой». Похвала Любшина, которого

я видел в «Обвале», где кованая форма не отменяла страсть, боль, душевные траты, была как орден.

В кино он — какое-то биологическое существо. Как кошка или пантера. И не то чтобы он по наитию так играет. Это даже органикой назвать нельзя. Вы же не скажете, что кошка органична или пантера естественна? У него эта органичность приобретает четкую, продуманную форму. И это не сделанность, а тонкость, искусство, внутренняя грация.

И перед камерой он свободен невероятно. Всегда играет очень умно, с огромным чувством юмора. Даже «Пять вечеров» — это так смешно! И юмор не отменяет драму персонажа, володинские мотивы...

Любшин — выученик Малого театра. Он любит говорить про Малый, про актерскую школу Малого, про корифеев, про то, как они говорили, ходили, как учили... И в его игре эта школа чувствуется: в нем есть порода, он любит широкий жест, вообще любит над сценой парить. Если говорить — то говорить, если жестулировать — то жестулировать. Любшин — артист, очень чувствующий форму. В высоком смысле. И это мало использовано в театре сегодня.

Фильм «Мне двадцать лет». В роли Славы Костикова